

Рудольф Штейнер

ЛЮЦИФЕРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ И АРИМАНИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ

Из GA № 193: Внутренние аспекты социальных загадок.

Люциферическое прошлое и ариманическое будущее

Лекция, прочитанная в Берне 4 ноября 1919 г.

Та фаза развития человечества, которая начинается в наше время, отличается особым характером (само собой разумеется, что это можно сказать о каждом времени, но только затем надо охарактеризовать — какой именно склад у той или иной фазы развития), о ней можно сказать, что для нее в основном характерно наступление своего рода упадка, регресса, попятного развития в отношении всего того, что в дальнейшем ходе времени человечеству предстоит пережить в земном физическом мире. Уже миновало то время, когда человечество могло двигаться вперед в своем развитии благодаря делающимся все совершеннее и совершеннее физическим способностям. В ближайшее время человечество *также* будет продвигаться вперед, однако, лишь благодаря спиритуальному развитию, — благодаря такому развитию, какое возвышается над процессами физического плана. Процессы физического плана больше не будут такими, чтобы из них человечество, если оно захочет предаваться только им, могло почерпнуть себе удовлетворение. То, о чем внутри нашей духовной науки было, ведь сигнализировано уже давно, и что можно найти охарактеризованным в цикле лекций об «Апокалипсисе» (Нюрнберг, 1908 г., Библ. № 104), а именно, что человечество направляется к будущей «войне всех против всех», — это должно быть, начиная в особенности с современного момента, полностью воспринято и понято как нечто очень, очень серьезное и важное. Это

должно быть воспринято и понято таким образом, чтобы не оставалось всего лишь теоретической истиной, но нашло выражение также в действиях, во всем поведении людей.

Как раз то обстоятельство, что люди — если я позволю себе выразиться тривиально — будут в дальнейшем иметь мало радости от развития событий на физическом плане, и станет побуждать людей все больше и больше прозревать то, что процессы дальнейшего развития должны будут проистекать из духовных сил.

Полностью узреть значение этого факта можно только если обзреть более крупный промежуток времени развития человечества и суметь в какой-то мере сделать практический вывод из того, с чем человечеству предстоит все больше и больше встречаться в будущем. Тогда можно будет усмотреть к каким целям направит человечество те силы, которые будут обнаруживаться — могу я сказать — в ритмически наступающих военных процессах разрушения, только началом которых является нынешняя военная катастрофа. Это ведь, есть детское представление, когда верят в то, что благодаря чему-либо последующему за этой военной катастрофой могут прийти сколько-нибудь длительные времена мира для человечества на физическом плане. Этого не будет. Но то, чему надлежит произойти на Земле, должно быть неким духовным развитием. Его дух, его направление, его смысл можно усмотреть, если охватишь взором сравнительно долгий промежуток времени, предшествовавший Мистерии Голгофы, и если затем постигнешь нечто о смысле Мистерии Голгофы, а потом попытаешься узреть духовное нечто, касающееся как раз действия Мистерии Голгофы в грядущем развитии человечества.

Мы рассматривали Мистирию Голгофы с самых разных точек зрения. Сегодня мы добавим к этим точкам зрения еще одну, — иную, чем прежде, — немного охарактеризовав то, что в развитии человеческой цивилизации предшествовало Мистерии Голгофы в течение, скажем, трех тысячелетий до нашего летоисчисления и что затем продлилось вплоть до времени христианского развития, как языческая культура.

В эту языческую культуру была включена, словно оазис совсем, совсем

другого рода, древнееврейская культура, из которой потом произошло Христианство.

Мы можем понять языческую культуру, если уясним себе, что она в существенном была культурой познания, представления, действия, исходящих из гораздо более всеобъемлющих сил, чем земные силы. Можно сказать, что благодаря древнееврейской культуре человечеству собственно впервые был привит моральный элемент. Моральный элемент не имел никакого обособленного существования в языческой культуре, но зато эта языческая культура была создана так, что человек чувствовал себя неким членом всего Космоса.

Это надо в особенности заметить. Человек, который находился на Земле как принадлежащий к древней языческой культуре, чувствовал себя неким членом всего Космоса. Он чувствовал, как те силы, которые действуют в движениях небесных светил, продолжают действовать в его собственных поступках, или лучше сказать — в тех силах, которые действуют в его поступках. То, что позднее почиталось астрологией и что вплоть до нашего времени еще почитается за астрологию, есть ведь, только некий отблеск, даже весьма вводящий в заблуждение отблеск — того, что было древней мудростью, которая извлекалась из движений небесных светил и которая в то же время давала предписания в отношении человеческой деятельности.

Понять эти древние культуры можно только тогда, если с точки зрения духовной науки пролить немного света на то, чем собственно было во внешнем смысле развитие человечества в четвертом, пятом дохристианских тысячелетиях.

Мы поступаем нехорошо, когда говорим о людях, существовавших на Земле в этих пятом, шестом, седьмом дохристианских тысячелетиях, представляя себе их слишком подобными нынешним людям. Вполне верно то, что люди, бродившие по Земле в те древние времена, обладали своего рода инстинктивной душевной жизнью, которая в известном отношении стояла ближе к животной душевной жизни, чем к нынешней человеческой. Однако это останется лишь весьма односторонним

пониманием человеческой жизни, когда говорят, примерно, следующее: «Да, если обратиться к этим древним временам, то люди тогда были животнo-подобными».

То существо, которое тогда бродило по Земле, было конечно, в отношении его душевного склада животнo-подобным, но эти животнo-подобные тела людей использовались духовно-душевыми существами, которые зато очень чувствовали себя принадлежащими к сверхчувственным, прежде всего к космическим мирам. И можно сказать: если достаточно далеко углубиться в прошлое, скажем, вплоть до пятого дохристианского тысячелетия, то люди там оказываются такими, что они пользовались своим животнo-подобным телом больше как орудием, чем чувствовали себя живущими в нем. Если захотеть точнее охарактеризовать тех людей, то надо сказать следующее: когда эти люди были в состоянии бодрствования, то они расхаживали во всяком случае как животные с их инстинктивной душевной жизнью, но в эту инстинктивную душевную жизнь вторгались, внося в нее свет, как бы сновидения наяву, происходящие от переживаний этих людей в состоянии сна. И в этих сновидениях наяву они познавали, что они пришли на Землю свыше, чтобы лишь воспользоваться животнo-подобными телами. То самое, что тогда действительно было человеческим внутренним душевным строем, перешло потом в одну культовую концепцию, в священнодействие культа Митры, где, как мы видим, главным символом был *Бог Митра*, который едет верхом на быке; над Ним Небо с его светилами, и Он принадлежит Небу; внизу же земное существование, к каковому принадлежит бык. Этот символ был для тех людей собственно никак не символом, но непосредственным ясновидением самой действительности. Человек ощущал тогда свой душевный строй таким, что он говорил себе, примерно, следующее: когда ночью я нахожусь вне моего тела, то я принадлежу к тому, что суть силы Космоса; а когда утром я пробуждаюсь, то я пользуюсь животными инстинктами, действующими в звероподобном теле.

То, что было прежде этим человеческим душевным строем, сохранилось

благодаря Мистериям, — главным образом благодаря азиатским Мистериям. Однако, человечество в общем, поскольку оно не было охвачено мудростью Мистерий, жило более или менее сумеречной, тусклой жизнью вплоть до начала третьего тысячелетия, в начале третьего тысячелетия до Мистерии Голгофы — жизнь людей в странах азиатского мира и вообще известного им тогда мира была в общем сумеречной душевной жизнью, инстинктивной душевной жизнью; но тогда там были Мистерии, внутри которых посредством действенных церемоний могли реально действовать духовные миры. И оттуда затем опять и опять излучался свет прочим людям.

И вот в начале третьего тысячелетия совершилось нечто весьма значительное. Если захотят охарактеризовать происхождение тогдашней сумеречной душевной жизни, больше инстинктивной жизни людей, то можно сказать, что у людей их духовно-душевное существо еще не могло пользоваться собственными органами человеческого рассудка. Эти органы рассудка тогда уже наличествовали, они уже образовались у людей в их физическом существе, но духовно-душевное существо человека еще не могло воспользоваться этими органами рассудка. Так что люди тогда еще не могли обрести что-либо из познаний посредством своего мышления, посредством своей способности суждения. Они могли иметь лишь то, что им давалось из Мистерий. И как раз тогда, в начале третьего тысячелетия, далеко на востоке Азии произошло значительное событие.

Там в обстановке церемониальных служб Мистерий стал беспрепятственно подрастать один ребенок из тогдашней знатной азиатской фамилии. Обстоятельства сложились таким образом, что этот ребенок мог принимать участие в культовых церемониях Мистерий благодаря тому, что руководящими жрецами Мистерий ощущалось как некая инспирация то, что они однажды должны будут допустить этого ребенка к участию в Мистериях. И когда тот человек, который жил в этом ребенке достиг, приблизительно, сорокалетнего возраста, тогда обнаружилось нечто замечательное (и тут безусловно надо сказать, что это событие пророчески более или менее предвидели жрецы Мистерий).

Обнаружилось, что этот человек, которому было дано вырасти внутри одной восточно-азиатской Мистерии, по достижении им сорокалетнего возраста внезапно начал постигать посредством человеческой способности суждения смысл того, что прежде приходило к людям только через откровение, получаемое в Мистериях. Он был неким образом тем первым, кто смог воспользоваться органами человеческого рассудка, не только примыкая к Мистериям.

Если мы переведем на наш нынешний язык то, что жрецы Мистерий говорили об этом важном деянии, то мы тогда можем сказать: в этом человеке воплотился не более и не менее, чем сам Люцифер! — и это есть важный, многозначительный факт, что в третьем дохристианском тысячелетии на Востоке Азии действительно осуществилась инкарнация во плоти Люцифера. И от этого телесного воплощения Люцифера ведет свое происхождение (ибо эта личность затем стала учить людей), то что можно собственно обозначить как дохристианскую, языческую культуру и что еще жило в гнозисе первых христианских столетий.

Вовсе не следует просто выносить отрицательное суждение об этой люциферической культуре. Ибо то самое, что Греция произвела в отношении красоты и даже философского уразумения, — что живет в древней греческой философии, в трагедиях еще и Эсхила, — все это было бы невозможно без этой инкарнации Люцифера. Эта люциферическая инкарнация оказывала свое могущественное влияние на страны южной Европы, северной Африки и западной Азии еще во время первых христианских столетий. И когда на Земле совершилась Мистерия Голгофы, так это в основном благодаря люциферической мудрости могла быть постигнута людьми Мистерия Голгофы. То, что, как гнозис, прежде всего и ближе всего подошло к постижению Мистерии Голгофы, это было пронизано и оплодотворено люциферической мудростью. Так что нам надлежит прежде всего подчеркнуть следующее: в начале третьего дохристианского тысячелетия в Китае осуществилась инкарнация Люцифера. В начале нашего летоисчисления осуществилась инкарнация

Христа; и сперва даже инкарнация Христа была постигаема благодаря тому, что тогда была еще и действовала сила древней инкарнации Люцифера, эта сила собственно исчезла для человеческого разума, для человеческой земной способности суждения только в четвертом христианском столетии, однако, она все-таки и дальше оказывала свои последствия, имела своих последователей.

И вот вслед за этими двумя инкарнациями — Люцифера в древние времена и инкарнации Христа, придающей истинный смысл самой инкарнации Земли — предстоит произойти в не слишком далеком будущем еще некой третьей инкарнации, и события современности движутся в существенном уже таким образом, что ими подготавливается эта третья инкарнация.

Если направить взор на инкарнацию Люцифера в начале третьего дохристианского тысячелетия, то можно сказать, что *благодаря ей человек получил способность пользоваться органами своего рассудка, своего суждения*. Сам Люцифер, воплотившийся в человеческом теле, был тем, кто впервые посредством способности суждения постиг то, что прежде могло приходить к людям только посредством откровения, а именно смысл Мистерий. А то, что теперь подготавливается и что безусловно наступит на Земле в не слишком далеком будущем, — это реальная инкарнация Аримана!

Мы, ведь, живем, как вы знаете, с середины пятнадцатого века в такую эпоху, когда человечество должно все больше и больше овладевать полной способностью сознания. Многозначительным в шествии человечества навстречу этой инкарнации Аримана должно быть как раз то, что люди идут навстречу ей, обладая полным сознанием. Ведь инкарнация Люцифера произошла, будучи по-настоящему прозреваемой только для пророческой способности жрецов Мистерий. Весьма бессознательно наступило для людей также то, что было инкарнацией Христа через событие Голгофы. А навстречу инкарнации Аримана человечество должно жить с полным сознанием среди потрясений, которые наступят на физическом плане. Среди продолжающихся военных

и других бедствий будущего человечества, человеческий ум станет весьма изобретательным в области физической жизни и благодаря развитию этой изобретательности в области физической жизни (что никоим образом не может быть отвергнуто какими-либо мерами) наступит как некая необходимость то, что станет возможной такая человеческая плотская индивидуальность, в какой сможет воплотиться Ариман.

Однако, эта ариманическая Власть (Mдсht) подготавливает из духовного мира свое воплощение на Земле. И она стремится наивозможно подготовить его таким образом, чтобы эта инкарнация Аримана в виде человека могла бы стать в сильнейшей мере соблазном и искушением для людей на Земле. Задачей людей для ближайшего развития человеческой цивилизации становится настолько сознательно ждать встречи с инкарнацией Аримана, чтобы эта инкарнация Аримана как раз послужила человечеству, поспособствовала бы его более высокому духовному, спиритуальному развитию благодаря тому, что *как раз на примере Аримана возможно будет обнаружить, — чего именно может добиться человек посредством лишь физической жизни или, скажем мы, чего он добиться не может.* Но людям надлежит сознательно идти навстречу этой инкарнации Аримана и свои обстоятельства устраивать таким образом, чтобы самим становиться все сознательнее и сознательнее во всех областях жизни — чтобы все больше и больше замечать, какие именно течения в жизни движутся навстречу этой инкарнации Аримана. Люди должны научиться, исходя из духовной науки, так истолковывать жизнь, чтобы они могли распознавать те течения, которые движутся навстречу инкарнации Аримана, и чтобы они научились обуздывать их. *Надо знать, что Ариман будет жить на Земле среди людей, но что люди должны противостоять ему и должны сами определить, чему они могли бы научиться у него и что они могли бы воспринять от него.* Однако, они не смогут сделать этого, если не возьмут в свои руки некоторые духовные, а также и недуховные течения, которые иначе будут использованы Ариманом для того, чтобы люди оставались наивозможно без сознания об его пришествии — что бы он, появившись однажды на

Земле, смог застигнуть людей врасплох, искусить, соблазнить их таким образом, что они отрекутся от развития Земли, и чтобы развитие Земли не достигло бы тогда своей цели. Надо научиться распознавать сущность некоторых духовных и недуховных течений, если вы хотите понять весь этот ход событий, о котором я говорил.

Разве вы не видите, что в современности все больше и больше становится число людей, которые собственно ничего не хотят знать о духовной науке, о познании духовного (сверхчувственного)? — Ходят они в церковь или нет, — это для многих людей современности больше уже не значит ничего. Разве вы не видите, сколь многочисленными стали те люди, для которых старые религиозные импульсы больше не имеют никакой силы? Ибо старые религиозные силы, прежде действенные, больше не имеют никакого внутреннего значения. Но они также не решаются как-либо принять в соображение то, что как новая духовная жизнь может влиться в нашу культуру. Они противятся этому, они отклоняют это, они взирают на это, как на глупость — как на нечто, им неудобное, они не входят в это. Но видите ли, человек — такой, какой он живет на Земле, есть некое реальное единство. Нельзя отделить его духовное существо от его физического существа, оба они действуют совместно, как некое единство, от рождения человека до его смерти. И когда человек посредством своих душевных способностей не воспринимает ничего духовного, оно тем не менее есть тут. Со времени последней трети XIX века нас, ведь, объединяет духовное (сверхчувственное). Оно вливается в земное развитие. И можно сказать: Духовное есть тут, но только люди не хотят его воспринять.

Однако, если люди даже и не хотят воспринять духовное, оно все же есть тут. **О н о е с т ь т у т !** Что же становится тогда из этого духовного? Сколь парадоксальным это ни покажется (ибо многое, что истинно и весьма истинно, кажется нынешним людям парадоксальным), но тем не менее у таких людей, которые отвергают духовное (сверхчувственное) и которые, при этом еще и такие, что больше всего любят поесть и выпить, духовное — бессознательно для них — вливается в

их процесс вкушения и переваривания пищи. Это и есть тайна того впадения в материализм, которое с силой началось около 1840 года или по меньшей мере, тогда подготовилось. Те самые люди, которые не воспринимают духовного посредством своих душ, они тем не менее воспринимают ныне духовное, предаваясь еде и питью, они вкушают дух. *Они суть поедатели духа.* И на этом пути в тот дух, который вливается в земное развитие вступает в люциферический элемент — становится причастным Люциферу. Вследствие этого люциферическая сила, которая затем может оказать помощь ариманической силе для ее грядущего воплощения, становится все сильнее и сильнее. Это уже должно стать предметом познания людей, тех людей, которые не остаются безучастными к тому, что люди в будущем станут либо сознательно воспринимать духовное познание, либо же бессознательно пожирать дух и тем самым передавать его люциферическим силам (Mдсhten).

Этому течению поедания духовного и душевного совсем особенно способствует Ариман, ибо он через это усыпляет людей таким образом, что когда он потом выступит среди них посредством своей инкарнации, то сможет застигнуть их врасплох и одержать верх, так как люди не окажут ему сознательного сопротивления.

Но Ариман может также и непосредственно вести работу по подготовке своей инкарнации и он делает это. Нынешние люди, конечно, ведут также и некую духовную жизнь, но чисто интеллектуальную, которая не имеет отношения к духовному (сверхчувственному) миру. Все больше и больше распространяется среди людей эта голо-интеллектуальная жизнь, которая сперва завоевала себе позиции в науках, а теперь также и в социальной жизни ведет ко всем возможным социальным эксцессам. Какого же рода эта интеллектуальная жизнь?

Эта интеллектуальная жизнь столь мало связана с действительными интересами людей! Я спрашиваю вас: не правда ли, сколь многие люди, ведущие преподавание в высших и не высших учебных заведениях, входят туда и выходят оттуда, не испытывая собственно никакого энтузиазма к той науке, которой они служат, но относясь к своей деятельности, как ко

внешней профессии? Там непосредственный интерес души не связан с тем, что преподается. Подумайте о том, сколь многому учат людей на самых различных ступенях жизни — учат без того, чтобы действительный энтузиазм, действительный интерес при этом присутствовал. Подумайте о том, сколь внешней становится интеллектуальная жизнь для многих людей, которые ей предаются! И сколь многие люди вынуждены ныне производить всевозможную духовную продукцию, которая затем консервируется в библиотеках, ибо она не обладает жизненностью как духовная жизнь!

Все то, что развивается как интеллектуалистическая духовная жизнь, не будучи прокалено человеческим душевным теплом, не будучи несомо человеческим энтузиазмом, непосредственно способствует инкарнации Аримана сообразно его собственному замыслу. Это усыпляет людей так, что это может благоприятствовать Ариману, как мною было охарактеризовано.

Наряду с этим существуют многочисленные другие течения в духовной или недуховной жизни, которые может использовать Ариман, если люди сами не используют их в правильном смысле. В последнее время во всем мире громогласно раздавался (и все еще раздается) призыв, что должны быть образованы *национальные государства*. Много говорят о «свободе для отдельных народов». Но то время, когда государства должны были основываться на кровных и общенародных связях, уже прошло в ходе развития человечества. И если сегодня обращаются, взывают к национальным, племенным и тому подобным связям, то это проистекает из интеллекта, а не из духа, и способствует возникновению дисгармонии в человечестве. И эту дисгармонию в человечестве потом совсем особенно может использовать ариманическая Власть. *Национальный шовинизм, всячески извращенный патриотизм*, — они становятся тем материалом, из которого Ариман на славу фабрикует то, что ему как раз и надо. Однако, к этому прибавляется еще нечто другое. Вы видите, что теперь повсюду выступают те или иные *партии*. В отношении этих партийных мнений и партийных программ люди теперь вовсе не достигают ясности и

не хотят ясности. Теперь можно с большой человеческой изобретательностью доказать самое радикально разное. Ленинизм оказывается весьма изобретательно доказанным, но также и его противоположность и то, что лежит между ними. Ныне вы можете строго доказать каждое человеческое программное мнение, но только тот, кто доказывает противоположное программное мнение столь же силен в своей правоте. То, что является интеллектуалистическим духом (умом), ныне господствующим в среде людей, никоим образом не достигает того, чтобы обнаружить и показать нечто в его внутренней жизнеспособности, в его внутренней жизненной ценности. Этот ум доказывает, но то, что он доказывает, мы вовсе не должны принимать за нечто жизненно ценное, жизненно сильное. Люди ныне потому и борются в составе партий друг с другом, что каждое партийное мнение может быть доказано с одинаковым правом. То, чем является наш интеллект, остается на поверхности понимания вещей, он не проникает глубже — в тот слой, где действительно лежит истина. Все это надо узреть глубоко и достаточно основательно.

Люди теперь любят со своим рассудком оставаться на поверхности вещей и не проникают посредством более глубоких духовных способностей в более далекие, соответствующие сущности вещей, слои бытия. Стоит только хотя бы немного оглянуться вокруг во внешней жизни, чтобы заметить как уже сама внешняя жизнь обнаруживает, что люди теперь зачастую вводятся в заблуждение посредством того самого, что они любят. Теперь люди любят в науке *число*, они любят также число и в социальной жизни. Взгляните однажды в социальную науку: она состоит почти из чистой *статистики*. И из статистических данных, то есть из чисел делаются умозаключения о важнейших вещах. Так вот: при помощи чисел можно все доказать и во всем увериться. Число же не есть средство что-то доказать, но число как раз есть средство вводить людей в заблуждение! Коль скоро, исходя из числа, не взирают на качество, не обращают внимание на качество, а видят количественное, то посредством числа можно чаще всего оказаться введенным в заблуждение.

Подходящий пример этого следующий. Много споров вызывает или, по меньшей мере, вызывал вопрос о национальности жителей Македонии, в политической жизни Балканского полуострова многое зависело от данных статистики о численности греков, болгар и сербов в составе населения Македонии. Однако, приводившиеся статистические цифры получались и обрабатывались таким образом, чтобы они могли послужить для тех или иных партийно-националистических целей. То, что там делалось, есть лишь один пример того многого, что вообще творится у людей с числами. Число, суть то самое, посредством чего Ариман может достигнуть больше всего, если числа приводятся и рассматриваются в смысле доказательства чего-либо.

Дальнейшее средство, которым может пользоваться Ариман, есть такое, что если о нем сказать, то оно вероятно, не сразу будет воспринято людьми за таковое, и его характеристика прозвучит для них, скорее как парадоксальная. Вы знаете, что мы попытались — и внутри нашего духовно-научного движения — углубить понимание Евангелий. Однако, это духовнонаучное углубление понимания Евангелий, которое становится в наше время все необходимее и необходимее, отвергается многими людьми так же, как отвергается ими духовная наука вообще.

Таким людям, которые при этом часто думают — или по меньшей мере претендуют, что думают — что они отличаются скромностью, в действительности свойственно величайшее высокомерие. Все больше и больше можно слышать, как люди говорят, что надо, мол углубляться в скромную простоту Евангелия и не надо отыскивать на более сложных путях духовной науки значение, например, Мистерии Голгофы. Те люди, которые притязают на то, чтобы скромно и просто искать истину в Евангелиях, суть как раз самые *высокомерные*, ибо они в своем высокомерии пренебрегают честным и верным исканием истины путем духовнонаучных познаний. *Они настолько высокомерны, что верят в то, что возможно без каких-либо усилий, а лишь наивно углубляясь в Евангелия, собрать жатву наивысших познаний духовного мира.* То, что ныне выступает под видом скромности и простоты, как раз есть самое

высокомерное. *В сектах, в церковных исповеданиях ведут жизнь самые высокомерные люди.*

Видите ли. Евангелия возникли ведь в то время, когда еще существовала люциферическая мудрость. В первые столетия христианского развития Евангелия понимались совсем иначе, чем позднее. А в наше время существуют люди, которые просто не могут углубиться в духовную науку, а значит не могут понять Евангелия; в действительности они вовсе не знают первоначального смысла слов Евангелий. Ибо то, что теперь есть в переводах на самые различные языки, поистине не есть Евангелия, но есть нечто такое, что в сущности больше никак не напоминает о первоначальном смысле тех слов, посредством которых написаны Евангелия.

В наше время к действительному познанию того, что как существо Христа вступило в развитие Земли, можно прийти только на духовнонаучном пути. Кто сегодня мог бы «только просто», как часто говорят, углубиться в Евангелия и это осуществил бы, тот придет не к внутреннему постижению действительного Существа Христа, но исключительно к некоей иллюзии или — в крайнем случае — к визионерскому видению, то есть галлюцинации этого Существа Христа. Сегодня через простое переживание Евангелий больше не достигается действительная связь с Христовым Импульсом, а получается лишь некий род утонченной галлюцинации Христа. Поэтому столь широко распространилось теологическое воззрение, что в мужчине Иисусе из Назарета вовсе не было Христа, но что он был лишь исторической личностью подобно Сократу или Платону — только, может быть, несколько высшей, чем они. «Простой мужчина (Mann) из Назарета», — он, ведь, является даже неким идеалом для теологов. Поскольку без духовнонаучного углубления в Евангелия можно, исходя из них, прийти только к некой галлюцинации Христа, а не к ясновидческому восприятию действительного Христа, постольку нынешние теологи меньше всего знают, как быть с явлением Христа Павлу перед Дамаском и считают то, что явилось Павлу перед Дамаском, лишь галлюцинацией.

Ныне необходимо углубляться в Евангелия сообразно духовной науке. Ибо та тупость, которая охватывает людей, желающих жить лишь в рамках церковных исповеданий, как раз в наибольшей мере используется Ариманом, чтобы достигнуть своей цели, а именно, заставить людей врасплох при своей инкарнации. И те самые люди, которые верят, что они суть самые христианские, отвергая дальнейшее развитие воззрений на Мистерию Голгофы, на Мистерию Христа, как раз являются в своем высокомерии теми, какие в наибольшей мере способствуют целям Аримана. *Церковные исповедания суть области почвы, особенно благоприятные для ариманической сущности.* Это ныне бесполезно — отмахиваться от этих вещей, питая какие-либо иллюзии. Прямо так, как способствует целям Аримана материалистический душевный склад, отрицающий все духовное (сверхчувственное) и желающий сделать человека лишь тем, что он есть ест и пьет; способствует целям Аримана в его смысле, а не в смысле человечества — и упорное цепляние за дословно «простое», как часто говорят, понимание Евангелий.

Видите ли, для того, чтобы отдельные Евангелия не воспринимались людьми слишком узко, событие Голгофы было описано в них с четырех сторон, так что Евангелия, — по меньшей мере, внешне, — противоречат друг другу, благодаря этому люди, если они хоть немного поразмыслят, предохраняются от дословного понимания Евангелия. Однако, в тех сектах, которые берут за основу какое-либо одно Евангелие (а такие секты существуют и они даже многочисленны), простое погружение в Евангелия вызывает переживания, вводящие в соблазн, вызывающие галлюцинации, делающие людей тупоумными. Евангелия во время их составления должны были быть даны людям в противовес люциферическому гнозису. *Но если они воспринимаются дословно так, какими они некогда были даны, то они служат не прогрессу человечества, а целям Аримана.* Что-либо не является в абсолютном смысле просто хорошим само по себе, но всегда оно оказывается благим или пагубным в зависимости от того или иного применения его людьми. Самое лучшее может стать самым худшим, самым пагубным когда люди применяют его неправильно. *Хотя*

Евангелия сами по себе суть нечто наивысшее, они могут произвести как раз самое пагубное действие, когда люди оказываются слишком нерадивыми и ленивыми для того, что проникнуть к действительной научнодуховной интерпретации этих Евангелий.

Многое в духовных и недуховных течениях современности является таковым и для людей возникает необходимость в точности усмотреть это и соответственно построить свое поведение, а именно поведение своих душ. От того, захотят ли люди сколько-нибудь прозреть, от этого зависит, что принесет им инкарнация Аримана: приведет ли эта инкарнация к полной утрате людьми цели земного развития, или же эта инкарнация принесет людям, то что они как раз распознают весьма ограниченное значение интеллектуальной жизни, не спиритуальной жизни. Если люди в правильном смысле возьмут в свои руки, хотел бы я сказать, то самое, что я сейчас охарактеризовал как течения, ведущие к Ариману, тогда они просто в результате инкарнации Аримана в земной жизни ясно распознают, что именно есть Ариманическое, с одной стороны, и благодаря этому также и его полярную противоположность, Люциферическое, с другой стороны. И тогда люди окажутся в состоянии, как раз из противоположности Ариманического и Люциферического узреть душевным оком гармонизирующее Третье. Сознательно должны люди пробиться к постижению и этой Троичности (Trinitat) — Христового, Ариманического, Люциферического. Ибо люди, если они не достигнут сознания этого, не смогут встретить будущее таким образом, чтобы действительно смочь достигнуть цели земного развития.

Видите ли, те вещи, которые связаны с духовной наукой, поистине могут быть верно поняты только тогда, если они воспринимаются со всей полнотой серьезности. Ибо духовная наука, ведь, не есть нечто такое, что хочет ныне выступить среди людей по прихоти какого-либо сектантского духа (ума), но духовная наука поистине есть нечто такое, что извлечено из с необходимостью действующих закономерностей развития человечества. Кто прозревает эти, с необходимостью действующие закономерности развития человечества, тот не может то ли способствовать духовной

науке, то ли не способствовать ей, но он должен сказать себе: всей физической и духовной жизни людей надлежит стать пронизанной и просветленной духовнонаучным подходом и постижением.

Итак, некогда на Востоке была инкарнация Люцифера, затем, можно сказать, в середине мирового развития — инкарнация Христа, а потом на Западе будет иметь место инкарнация Аримана. Эта инкарнация Аримана не должна быть избегнута людьми; ей надлежит произойти, ибо людям следует встретиться с Ариманом, хочу я сказать, лицом к лицу. *Он будет той индивидуальностью, которая покажет людям — к какой ужасающей пронизательности и изобретательности может прийти человек, когда он призовет себе на помощь все то из земных сил, что может способствовать этому.* При переживании тех грядущих нужд и бедствий, о которых мною было сказано и которые постигнут людей в ближайшее время, люди станут очень изобретательными; будет открыто много такого из сил и субстанций земного мира, что послужит пищей для людей. Однако, то, что тогда будет найдено, это будет найдено таким образом, что можно будет одновременно познать, как материальное связано с органами рассудка — не духа, а именно рассудка. Люди научатся тому, что им надо есть и пить, чтобы стать весьма толковыми. Нельзя стать духовно-развитым человеком благодаря еде и питью, но можно стать благодаря этому весьма толковым, хитроумным человеком. Люди пока еще только не знают этих вещей; и они, пожалуй, достигнут их не потому что стремятся к этому, но это произойдет совсем само собой под влиянием тех нужд и бедствий, которые наступят в ближайшее время. И, я хотел бы сказать, что посредством определенного применения этих вещей, некоторые *тайные общества*, которые ныне уже ведут свою подготовительную работу, готовят то, благодаря чему впоследствии инкарнация Аримана сможет настать на Земле нужным им образом. И она должна совершиться: ибо человек должен в течение Земного времени познать также и то, сколь многое может произойти из чисто материальных процессов!

Но человек должен вместе с тем узреть, что ему надлежит научиться

взять верх над такими духовными и недуховными процессами, которые ведут к ариманизму. Когда мы поймем, что какая угодно партийная программа может быть доказана, но также может быть доказана и программа ей противоположная, тогда мы должны будем сказать себе: итак, нам надлежит подняться к такому душевному строю, при котором мы не доказываем, но переживаем. Ибо то, что пережито, есть ничто иное, как то, что просто было доказано посредством рассуждений.

Равным образом мы должны сказать себе следующее: должно все больше и больше совершаться духовнонаучное углубление Евангелий. В наше время дословное принятие в себя Евангелий способствует наступлению ариманической культуры. Уже исходя из внешних оснований, можно усмотреть, что для нынешних людей просто дословное восприятие Евангелий больше не может иметь прежнего значения, ибо, как вы знаете, то что правильно для *о д н о г о* времени — неправильно для другого времени. То, что правильно для одного времени — это в позднейшее время применяется люциферически или ариманически. Чтение Евангелий имело свое время. Ныне же дело в том, чтобы придерживаясь Евангелий достигнуть *д у х о в н о г о* (сверхчувственного) познания Мистерии Голгофы.

Понятно, что для многих нынешних людей чрезвычайно неудобно узреть эти вещи. Но кто хочет питать антропософские интересы, тот должен научиться действительно понимать то, как слои культуры постепенно нагромождаются рядом друг с другом, должны вызывать хаос, и как в этот хаос может быть внесен свет.

Уже сегодня следует в виде опыта параллельно послушать речи или прочесть сочинения касательно одного и того же вопроса современной жизни, принадлежащие, с одной стороны, какому-либо самому современному, весьма радикально настроенному человеку, а с другой стороны — священнику какого-либо церковного исповедания, проповедующему в храме и еще полностью находящемуся внутри способа мышления старого времени, в его форме мыслей. Тогда вы действительно имеете перед собой два разных мира, которые вы можете смешать,

пытаться их соединить только тогда, если вы избегаете действительно вникнуть в эти вещи сообразно истине. Послушайте-ка, что сегодня говорит о социальном вопросе какой-либо современный социалист, и сразу после этого послушайте, скажем католическую церковную проповедь о том же социальном вопросе: это очень интересно заметить, как живут рядом друг с другом два слоя культуры, в которых одни и те же слова употребляются в совсем разном смысле. То же самое слово означает для представителя одного из этих слоев нечто совсем иное, чем для представителя другого слоя.

Эти вещи должны быть вынесены на свет, какой можно получить со всей серьезностью отнесясь к таким рассматриваниям, как я попытался сделать сегодня. Разумеется, также и отдельные люди, принадлежащие к позитивным религиозным исповеданиям, приходят к своего рода, сказал бы я, жажде духовного углубления. Это действительно вовсе не незначительное явление, когда такой выдающийся дух (ум), но дух позитивный в католическом смысле, как кардинал Ньюмен, сказал в Риме при возведении его в сан кардинала (в 1879 году), что он не видит никакой другой возможности для спасения Христианства кроме нового Откровения.

Да, это сказал кардинал Ньюмен, что он не видит никакой другой возможности для спасения Христианства кроме некоего нового Откровения! Но он, естественно, не имел мужества сколько-нибудь серьезно принять новое *д у х о в н о е* (сверхчувственное) откровение. Так же поступают и другие. Вы можете ныне прочесть бесчисленные сочинения о том, что ввергает человечество в бедствия, скажем, в социальной жизни. Теперь, вот, опять появилось еще одно сочинение под название «Социализм» (1919 года), написанное Робертом Вильбрандтом, сыном поэта Адольфа Вильбрандта (1837-1911).

Там, например, социальный вопрос обсуждается на основе хороших конкретных познаний. И в заключение сказано: «Без духа это не пойдет, и как раз тот ход, который принимают эти события, обнаруживает необходимость духа». Да, но к чему же приходит такой человек? Он

приходит к тому, чтобы вымолвить слово «дух», сказать абстрактно «дух», но он отклоняет возможность, он далек от возможности что-либо воспринять из того, что действительно хочет выработать дух.

Тут прежде всего необходимо однажды усмотреть, что копание в абстракциях, как бы сильно ни кричали при этом о духе, еще не есть нечто спиритуальное, еще не есть дух! Никак не должно смешивать ограниченное, абстрактное пустословие о духе с действительным положительным исканием содержания духовного (сверхчувственного) мира, как это должно совершаться антропософски ориентированной духовной наукой.

О духе говорят ныне многие люди. Но вы, принимающие духовную науку, не должны позволить оболванить себя всего лишь разговорами о духе; вам необходимо усмотреть, что есть разница между этим голым пустословием о духе и описаниями духовного (сверхчувственного) мира, как их стремятся получить на антропософской основе, где духовный мир описывается наравне с тем, как чувственно-физический мир описывается внешним образом. Вы должны вникать в эту разницу, должны опять и опять проводить перед своей душой, что абстрактное пустословие о духе как раз является уклонением от действительного духовного искания и что ныне разглагольствуют о духе многие люди, но при этом они все дальше и дальше отходят от духа. Ибо голое интеллектуальное указывание на дух не ведет к духу. Что же такое есть «ум» (Intelligenz)? Что такое есть содержание нашего человеческого ума? — Я могу лучше всего сказать вам об этом приведя следующее сравнение. Представьте себе (здесь присутствуют, ведь, многие дамы, которые поймут это наилучшим образом!), что вы стоите перед зеркалом и смотрите в него. Возьмите тот образ, который дает вам теперь зеркало — он совсем подобен вам и, однако, он вовсе не есть что-то действительное. Он возникает как зеркальное отражение. Все, что вы имеете в вашей душе как ум (Intelligenz), как интеллектуальное содержание, есть всего лишь зеркальное отражение. Тут в нем нет никакой реальности. И подобно тому, как ваше зеркальное отражение возникает благодаря зеркалу, так и

то, что отображается как ум (Intelligenz), возникает только благодаря физическому аппарату вашего тела, — благодаря мозгу. Мыслящим, интеллигентных является человек только благодаря своему телу. И сколь мало можно погладить самого себя, если вы проводите рукой по своему отражению в зеркале, столь же мало можете вы постигнуть дух, когда вы просто обращаетесь к интеллектуальному содержанию вашей души, *ибо в нем нет духа!* То, что вы постигаете посредством ума, каким бы он ни был изобретательным и проницательным, никогда не содержит духа, но содержит только отображение духа. Вы не можете пережить дух, если вы остаетесь при голом уме (Intelligenz). Поэтому-то столь соблазнительна деятельность ума, интеллекта, что она дает некое отображение, а именно отображение духа, но не дух. Тогда не доставляют себе неудобств ради того, чтобы достичь переживания духа, ибо его, ведь, имеют — по меньшей мере мнят, что имеют, — но имеют его в зеркальном отображении; однако, при этом весьма охотно говорят о духе.

Это надо различать: всего лишь отображение духа и реальный дух. В этом задача того образа мыслей, который не всего лишь теоретизирует о духовно-научном, но действительно находится в сфере позитивного духовного воззрения (Geistesanschauung).

Это хотел сказать я вам сегодня для укрепления той серьезности, которой должно быть проникнуто все наше отношение к антропософски постигаемой духовной жизни. Ибо от того, каким будет отношение к этому у современного человечества, зависит дальнейшее реальное развитие человечества в его будущее. Если то, что я охарактеризовал сегодня, будет воспринято так, как это ныне воспринимается огромным большинством людей на Земле, тогда Ариман, когда он придет, будет пагубным гостем для людей. Если же люди смогут возвыситься до того, что воспримут в свое сознание те вещи, которые мы сегодня рассматривали, научатся ими ведать и направлять их так, как это должно быть для обретения человечеством свободной позиции (Stelling) по отношению к ариманической силе (Mдсht), тогда человечество научится при выступлении Аримана правильно отнестись к нему, узрев, что Земля

во всяком случае должна прийти в состояние своего упадка, уничтожения, но что как раз благодаря этому человечество вырвется из земного существования, поднимется над ним. Когда человек в своей физической жизни достигает возраста старости, то его физическое тело приходит в упадок, но он, если он разумен, не жалуется на то, что это физическое тело приходит в упадок, он знает, что теперь он со своей душой идет навстречу некой жизни, которая протекает не параллельно прогрессирующему упадку его физического тела. В человечестве живет нечто такое, что не связано с уже наступившим упадком, с грядущим уничтожением физической Земли, но оно становится все духовнее и духовнее (сверхчувственнее) как раз благодаря тому, что Земля физически приходит в состояние своего упадка, вырождения (Dekadenz). Мы учимся непредвзято сказать: «Да, конечно, Земля уже находится в состоянии вырождения, и человеческая жизнь в отношении ее физического проявления также вырождается, но как раз благодаря этому мы обретаем ту силу, которая вступает в нашу цивилизацию и которая, как бессмертная сущность всего земного развития, должна и может, исходя из человечества, жить дальше, когда Земля идет навстречу своей гибели».

Это и есть то, что я хотел сегодня сказать вам.